

думаю опять побывать. Онъ преподаетъ Евангеліе, только не совсѣмъ чистое, а вотъ—*мое Евангеліе*“,—при этомъ взялъ изъ своего кармана книжку и подаль Леонтьеву. Въ это время у Леонтьева была брошюра Елеонскаго, въ которой доказана тождественность и неповрежденность Евангелія и отвергались противныя мнѣнія Толстого. Леонтьевъ подаль ее Л. Н., но онъ сказалъ: „Брошюра дѣльная, она рекламируетъ и мое Евангеліе“. Тутъ Леонтьевъ не сдержалъ себя, вспыхнулъ и сказалъ: „Какъ это возможно, чтобы здѣсь въ пустыни быть, гдѣ такой старецъ какъ о. Амвросій, и говорить о *своемъ* Евангеліи? Это можно, развѣ, въ какой глуши, въ Томскѣ что-ли?“ Замѣчаніе это задѣло гордость Л. Н. Онъ рѣзко отвѣтилъ: „Что-жъ, у тебя много знакомыхъ, пиши въ Петербургъ: можетъ быть, сошлютъ меня въ Томскъ“. Затѣмъ ушелъ въ гостинницу и уѣхалъ въ Ясную Поляну, не побывавъ у старца. На другой день Леонтьевъ просилъ Е. узнать отъ о. Амвросія подробности о его бесѣдѣ съ Толстымъ, но о. Амвросій одно велѣлъ передать Леонтьеву, что Толстой былъ у него около часа. „При входѣ Толстого въ мою келью, я благословилъ его, и онъ поцѣловалъ мою руку. А когда сталъ прощаться, то, чтобы избѣжать благословенія, поцѣловалъ меня въ щеку“. Рассказывая это, старецъ едва дышалъ, такъ сильно утомила его бесѣда съ графомъ. „Гордъ очень“, добавилъ о. Амвросій“.

Пусть все это пересказано въ „Историческомъ описаніи“ съ значительными утолщеніями линій, но вѣдь „евангеліе“ Л. Толстого—извѣстно, оно—*свое, слишкомъ свое*. Въ христіанствѣ Толстому дорого то, что отвѣчаетъ его собственной вѣрѣ, его личной религіи Толстовско-человѣчьей, слишкомъ человѣчьей. Вѣдь вся конструкція Толстовскаго богословія,—простая до дѣтскости и мощная этой своей кровянистой дѣтскостью,—совершенно исключаетъ всякій теозисъ, больше—его теодицея добраго Бога, Бога добра, обращается силою вещей въ констатированіе безсилія Бога, безсилія добра и бессмыслицы жизни. Богу просто нѣтъ дѣла до исторіи человѣчества. *Его* нѣтъ, если *она* есть. Но Онъ нуженъ, и нужно заново начать сознать Его, заново создавать жизнь людей, начать творить земное бытіе человѣческое по новому, по моему, тогда только и обнаружится и истинная воля „Божья“, воля требовательной совѣсти человѣческой.